

МИХОЭЛС

Посмотрите репертуар Давыдова, Варламова, Садовского, Ленского и ныне здравствующего Юрева, — какие огромные роли, какой грандиозный резервуар мировых образов всех времен и народов, какие соавторы — Шекспир, Мольер, Гольдони, Островский!..

Но что же может предявить Михоэлс? Одну классическую роль Уриэль Акоста? А все остальное — за все 15 лет работы? Вот роль бадхена-шута в спектакле „Ночь на старом рынке“ — лучшая его роль, торжество его актерского мастерства. Для всей труппы в этом спектакле было всего 300 строк текста, на долю Михоэлса пришлось не более 50, — но кто же не помнит этого трагического шута, с маской Мефистофеля на лице, поднявшего весь спектакль на огромную высоту проклятия и издевательства над старым миром еврейства, с его мертвецами и призраками суеверий и рабства! Или кто не помнит его Гоцмаха из „Колдуньи“, воскресившего все приемы еврейского народного балагана и оперившего скудный текст ослепительным парадом пантомим, интермедий, прибауток, песенок, плясок, веселой и блестящей арлекинадой народного площадного театра?

Где те мировые классики, которые помогали Михоэлсу? Шолом-Алейхем? Перец? Шолом Аш? Увы! Даже для еврейского театра это не классики. Остается один дедушка Аврам Гольдфаден (1810—1908), чей наивный, добродушный, сентиментальный и слезливый театр поистине был родиной и откровением для мальчика Вовси, росшего среди древних фолиантов талмуда и библии и соорудившего из них свой первый детский театр, где он был и автором, и режиссером, и актером.

Встрого патриархальную семью лесопромышленника Вовси заглядывали по праздникам бродячие еврейские комедианты, с их лохмотьями и пенковыми усами и бородами, творившие из „ничего“ увлекательный мир сказок, легенд, фантазий и превращений. И у них-то Михоэлс подслушал тайну преображения, искусство делать все из ничего, уметь растрогать, рассмешить, поплакать, потанцевать и закружить в хороводе масок на протяжении всего нескольких минут, — много „домов“ надо было обойти этим беднякам в один вечер!..

Так рос и учился этот мальчик с перешибленным носом. Он

мечтал о театре и, уже будучи студентом, пришел к режиссеру А. Б. Велижеву с робкой просьбой приобщить к „высокому искусству“. Увы! „Опытный взгляд“ сразу же разглядел и этот низкий рост, и эту мизерность внешнего облика: „Какой же из вас актер выйдет?“ Вечная история на театре! Так было и с Мартыновым, и с Ермоловой, и с другими! А может быть, и „не вышло актера“ бы, если бы не пришла Октябрьская революция, давшая жизнь многим театрам и в том числе еврейскому.

„Путешествие Венямина III в ГОСЕТ“е. Михоэлс (Венямин) и Зускин (Селдерлэ)

Михоэлс — один из самых умных актеров на московской сцене. За каждым его актерским образом просвечивает большая и отчужденная мысль замысла, идея. С первых же ролей, сыгранных Михоэлсом, в 1921 г., еще не в театре, а в студии, сразу же, определилась эта его актерская особенность и индивидуальность. Его Манахем-Мендель в „Агентах“ был не только маклером, но и Дон-Кихотом, преследующим свою мечту о счастье и справедливости, а его реб-алтер в „Мазл-Тове“ был не только маленьким местечковым учителем, но и знаком, символом, обозначением большой тоски и огромной любви к страдающему, обиженному и угнетенному человеку. Вот откуда замечательный лиризм Михоэлса, уменье улыбкой, тихим смешком, ласковой интонацией просветлить изнутри любой ко-

мический образ. И вот откуда теплота, жизненность, простота и в то же время яркая театральность, высокая приподнятость всех его персонажей.

Михоэлс не умеет быть беспощадным к своему герою, сатира и гнев не в его палитра, он всегда чуточку прибавит от себя — там штришок нежности и сочувствия, там легкий мазок, дающий глубину взгляду и горечь уголкам губ.

О том, как сыграет Михоэлс своего Лира, намек дает его игра в „Уриэле Акосте“ — первой и пока единственной его классической трагической роли. Его Акоста был трагедией мысли прежде всего и был сыгран с большой силой сценической изобразительности, хотя сам актер не был удовлетворен этой работой. В его Акосте было много страсти, силы и упоения своим призванием, но в какой-то мере в нем все же не было гармонии между личным чувством и борьбой за идею. С тех пор артист вырос и художественно возмужал, и есть все вероятия, что его Лир будет подлинно шекспировским образом.

Нельзя не упомянуть, что Михоэлс является вместе с тем и мастером театральной пародии, сценической шутки, эстрадного конферанса, специалистом специфических „малых форм“ театра. Спектакль „Трех еврейских изюминок“, в которых Еврейский театр осмеивал историческую оперетту, американские обозрения и староеврейскую мистическую мелодраму, был весь овеян михоэлсовским юмором, весельем и жизнерадостностью.

Нужно ли говорить, что Михоэлс в совершенстве владеет синтетической формой, вмещающей и прозу, и стихи, и песенку, и танец, и живой диалог, и пантомиму? Но кто же об этом не знает? Нужно ли говорить, что Михоэлс одновременно является и учителем сцены, и режиссером, и душой ГОСЕТ'а, его вдохновителем и идеологом? Но кто же об этом не догадывается, посещая спектакли этого удивительного театра?

В ГОСЕТ'е выросло поколение больших актеров, среди которых Михоэлс является самым любимым, самым ярким, самым цветущим. И если про Вольтера говорили, что его имя должно обогатить французский язык новым словом, то еврейский язык уже немислим без слова „Михоэлс“.

М. ЗАГОРСКИЙ